

Гаджиева Наргиля Азадиевна, Асулова Диана Шамильевна, Ярова Ярханум Ризаевна
**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АВТОРСКОМ
ИДИОСТИЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ А. АГАЕВА)**

Статья посвящена характеристике идиостиля художественного текста, изучению специфики употребления тропических средств языковой выразительности лезгинского языка на материале художественной прозы А. Г. Агаева, описанию и анализу отображения авторской национальной картины мира посредством авторского идиостиля, исследованию поэтики писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 79-82. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Сподарен О. О.** Поликодовость как ключ к новостному политическому медиатексту [Электронный ресурс]. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling35/ling35_25.pdf (дата обращения: 10.06.2014).
8. **Ensslin A.** The language of gaming. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2012. 208 p.
9. **Kress G. R., Leeuwen T. V.** Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. Abington: Routledge, 2010, 212 p.

MULTIMODALITY OF SPEECH AGGRESSION IN VIRTUAL ENVIRONMENT

Gabdrifikova Tamara Shamilevna
Moscow State University of Education
tgabdrifikova@mail.ru

In the article the notion of “multimodality of speech aggression”, which means the widespread and accepted speech behaviour in computer communication, is revealed. Multimodality of speech aggression is manifested in the attempt of users to approximate their messages as much as possible to the emotionality and expressiveness of live communication, despite the absence of such paralinguistic signs as intonation, gestures, facial expressions and posture in the virtual environment. The author considers the verbal manifestation of multimodality of speech aggression and the creative ways which are used to achieve the effect of live chat in computer communication.

Key words and phrases: multimodality; polycodeness; creolization; speech aggression; game aggression; aggression on the Internet.

УДК 811.35

Статья посвящена характеристике идиостиля художественного текста, изучению специфики употребления тропических средств языковой выразительности лезгинского языка на материале художественной прозы А. Г. Агаева, описанию и анализу отображения авторской национальной картины мира посредством авторского идиостиля, исследованию поэтики писателя.

Ключевые слова и фразы: идиостиль; языковая картина мира; сравнение; эпитет; метафора; паремия; троп.

Гаджиева Наргиля Азидиевна, к. филол. н.

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

Асулова Диана Шамильевна, к. филол. н.

Ярова Ярханум Ризаевна, к. филол. н.

Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

Gadzhiyeva_nargilya@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АВТОРСКОМ ИДИОСТИЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ А. АГАЕВА)

Особенностью художественного текста является то, что он отличается индивидуальностью, субъективностью и неповторимостью, и для адекватного восприятия произведений конкретного писателя представляется необходимым обратиться к изучению его языка и стиля, к индивидуальной манере организации текста.

В последние десятилетия в лингвистической литературе активно употребляется понятие «идиостиль» (индивидуальный стиль), релевантное для нашего исследования. В нашем понимании, идиостиль – это система лингвистических и семантических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным реализованный в этих произведениях авторский способ языкового выражения. Как правило, на практике данный термин используется применительно к художественным произведениям (как прозаическим, так и поэтическим), в то время как в отношении к нехудожественной речи употребляется термин «дискурс».

В нашем исследовании мы остановимся на анализе художественного идиостиля на материале лезгиноязычной прозы, в частности, рассмотрим индивидуальную лингвистическую специфику тропических средств языковой выразительности в творчестве А. Агаева.

Такие традиционные средства литературного выражения, как сравнения и сравнительные обороты, метафора и метафорические выражения, эпитеты, повторы, фразеологизмы и фразеологические обороты выполняют важную семантико-стилистическую функцию, способствуя авторскому самовыражению.

Сравнение, рассматриваемое как «стилистический прием, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления» [3, с. 327], является одним из средств познания человеком окружающего мира. Будучи результатом аналитического наблюдения, а также результатом выделенного, замеченного сходства между объектами действительности, сравнение, в первую очередь, выполняет номинативную функцию при обозначении признаков, состояний, которые не обладают абстрактными определениями. Таким образом, в основе создания какой-либо сравнительной конструкции лежат первоначальные представления (наблюдения), а сравнение при этом становится результатом исследования восприятий,

позволяя обнаружить сходство и различие в предметах и явлениях жизни. В привычное восприятие слова сравнение вносит новые ассоциации, конкретизируя и по-иному интерпретируя его семантику, вызывая в нем комбинаторные и экспрессивные приращения. Сравнение основано на сопоставлении двух понятий с целью пояснения одного из них при помощи другого.

Для сравнений характерно индивидуальное, присущее автору восприятие действительности, что наглядно проявляется в следующих примерах употребления сравнений Агаевым (отметим, что с целью иллюстрации специфики авторского идиостиля нами осуществлен буквальный перевод отдельных словосочетаний, фраз и групп фраз с лезгинского языка на русский).

Кавказдай сегьер-сегьер меркездиз, лув гана атай Бег фикуррин вацлавай, абур селлер хьиз кьилиз кьез-хьфизвай... Абура л туькме якларин, яру чин алай шоферди эхир эцигна [1, с. 8]. / Букв.: С Кавказа в столицу летевший Бег, был в реке мыслей, которые текли подобно потоку... (здесь и далее перевод автора статьи – Н. Г.).

КьатI алатнавай газар хьтин нер алай гьамбалди кьве чемадани пуд лагьай мертебадиз акьудна [Там же, с. 10]. / Лакей с носом, как обрезанная морковь, поднял оба чемодана на третий этаж.

Хьуьчуьк агьзур хьайила, ваз вун эркек хьиз аквада, виш агьзур хьайила – лувар акатда, ам нагагь кьве виш агьзурдав агакьайтIа, асландин кьуватар акатда. Жибинда еке пул хьайила [Там же, с. 17]... / Когда под мышкой тысяча – ты как мужчина, когда сто тысяч – у тебя вырастают крылья, когда двести тысяч – приобретаешь силу, как у льва...

Кьуьлуьн самарин рангунин чIарар алай дишегьлидин вилик «Париж» авай кьвати туна, Бегов хьфена [Там же, с. 27]. / Поставив перед женщиной с волосами цвета пшеничной соломы коробку «Парижа» (коробку с духами «Париж»), Бег вышел.

Сравнения выражаются различными языковыми конструкциями: сравнительными оборотами, сравнительными придаточными предложениями, сопоставительными конструкциями, формой творительного падежа и др.; самой распространенной сравнительной конструкцией в произведениях А. Агаева является сравнительный оборот:

– *Ийида ман. – Бегов, дамах гвай кьил хкажна, спелриз тавазвал авуна, кьве даклардин арада авай цлав дивандал ацукьна. Буржинар буш яз, ам фуруз хьиз аватна [Там же, с. 43]. / Бегов гордо поднял голову (поднял голову с гордостью), подкрутил усы, сел на диван и провалился, как в яму.*

Кьабах хьиз, яргьи кьил алай чин яру итим кабинетдиз гьахьна [Там же, с. 68]. / С длинной, как тыква, головой и красным лицом мужчина вошел в кабинет.

АцIай вацран нек хьтин ишигьди кьунвай куьчедай кIвализ хивезвай Гьамидан вилерикай Гьалиб душманри ягьай агьвалтар карагзавай [Там же, с. 56]. / По улице, залитой подобным молоку сиянием полной луны, шел домой Гамид.

Селванадивай гьил хкажиз хьанач. Кьуркьушум цанвай хьиз, ам кьадарсуз залан тир [Там же, с. 123]. / Селвана не могла поднять руку. Как налитая свинцом, она была слишком тяжелой.

Обращает на себя внимание тот факт, что сравнения и сравнительные обороты, используемые А. Г. Агаевым, помимо авторской индивидуальности отражают еще и специфику национального мировидения, являясь частью национальной картины мира.

Наиболее употребительным, экспрессивным, емким и многогранным средством языковой выразительности, занимающим большое место в стилистике Агаева, является метафорический оборот.

Известны различные подходы к определению метафоры и ее роли в речи, обусловленные лингвистическими и философскими взглядами разных исследователей на природу метафоры, сферы ее применения, языковую интуицию и другие вопросы.

В данном исследовании разделяется точка зрения, согласно которой метафора рассматривается как семантический троп, сущность которого состоит в образовании контекстуально-речевого переносного значения на основе сходства признаков двух предметов, один из которых уже обозначен, и значение, содержащее его признаки, закреплено за словом в речевой практике, а второй получает обозначение в определенном словоупотреблении [2; 4].

Метафора является тем средством, с помощью которого в процессе мыслительной деятельности в сознании индивидуума не только отражаются, но и осмысливаются, проводятся параллели, аналогии, а также приобретают модальность, оценочность и верификацию картины окружающего мира.

Метафоричность мира А. Г. Агаева специфична, неожиданна, но вместе с тем читателю и понятна:

РикIера кьурху гьатай инсанар мичIи йифиз кьваларив гвай тамариз катна [1, с. 44]. / Люди, у которых тревога вошла в сердце, темной ночью убежали в ближайшие леса.

Пел, хьуькьвер, чене, нер, лагьайтIа, магьид кларабдикай атIанвай хьтинбур тир. Инсандин хамни лацу жода кьван [Там же, с. 34]! / Лоб, щеки, подбородок, нос ее были словно вырезанные из слоновой кости.

Себем ам тир хьи, и дишегьлидик кьад-кьанни вад йисан вилик вич таниш хьайи, генералдин хтул рушан ухшар квай. Иллаки кьуьлуьн самарин ранг алай яргьи чIарарик. Ахпа, седефар хьиз куьлуь сарар ачухна, ийидай хьуьруьник. Вилерин вили цIарцIардик [Там же, с. 23]. / Причина была в том, что девушка была похожа на внучку генерала, с которой он познакомился двадцать-двадцать пять лет назад. Особенно волосы цвета пшеничной соломы, мелкие, как пуговицы, зубы, голубое сияние глаз.

Выполняя эстетическую функцию, метафора является одним из способов словоупотребления, при котором конвенциональные значения слов используются для выражения других смыслов с целью воздействия на читателя (апелляция к его чувствам, воображению):

– Я руш, эй, вуна атирар маса гузвани, тахъайтла итимдихъ галаз къугъунарзавани? Итимдизни килиг. **Балкџан къван авай** сад хъана дишегълийрин къулаз гъахънава [Там же, с. 54]. / *Посмотрите на мужчину. Здоровый, как конь, затесался между женщицн.*

– Куъ набни рушар бахтлу я, – **ширин мецел** лагъана дишегълиди. – Гъуълуьни бубади са атирар икъван къачузва! – ИкI лугъуз, ада «Париждин» кIуьд къвати табагъ чарчик кутуна, адал хъипи лент элкъуьрна [Там же, с. 23]. / *Ваши жена и дочери счастливы, – сладким языком сказала женщина, – столько духов им купили.*

Бегован гевил са кIус **серин хъана, ачух цавал рехи, булутар акъалтна** [Там же, с. 45]. / *Настроение Бегова слегка затенилось (заволокло тучей), словно на ясное небо набежали седые тучи.*

Важным приемом речевой организации любого художественного текста является активное использование эпитетов. Не составляет исключения и проза А. Г. Агаева, в текстах которого эпитеты также используются для создания неповторимого авторского стиля. Эпитет представляет собой один из способов интеллектуального и эмоционального воздействия на читателя, средством выделения тех свойств и признаков изображаемого им явления, на которые следует обратить внимание читателей. Природа эпитета сложна, взаимодействуют языковые, стилистические, психологические факторы, поэтому трудно провести четкие грани между логическим определением и эпитетом.

Важно отметить, что в прилагательных, наречиях, причастиях, деепричастиях и других частях речи, выполняющих функцию эпитетов, происходит ослабление номинативности (в переносных, часто метафорических употреблениях) и усиление оценочного фактора. В структуре их значений коннотативные компоненты (экспрессивность, эмоциональность, оценочность) являются ведущими в смысловом содержании, усиливая выразительность:

Къезил беден, шуькIуь къуьнер, яхун гардан авай Маринадин чиниз са ранг атана, сад хъфена. Кесибдиз кичIе хъана [Там же, с. 89]. / *У Марины, с легким станом, узкими плечами, тонкой шеей, одно выражение лица сменило другое.*

– Мад вучин, – лагъана ада. – Чи умуд куьн хътин са вад-цIуд трестдик ква. Куьне планар ацIурда – министрстводини **чIемяй хъиз** кIвалахда. Къуллугъчийризни асант я. Нагагъ чна йифиз **иердиз ахвар** авуна кланзаватIа, планар ацIура... **Къилини алаз** [Там же, с. 78]... / *Что поделатъ, – сказал он. Наша надежда – как ваши пять-десять таких трестов. Вы выполняете план – министерство работает как по маслу. Если хотите чтобы мы ночью хорошо спали – выполняйте план... С верхом...*

Ядро эпитетов – экспрессивность, оценочность. Эксплицитно они не выражают эмоциональной оценки, но имплицитно она имеется, подчеркивается контекстом:

Ингъе, исятдани, къве гъиликай куьрнавай, чпикни хъсан заланвал квай, **сад къацу, садни тубнт вили** рангунин чемодан майдандин юкъвал эцигна, меркездиз атанвай муьман спелрив къугъвана [Там же, с. 8]. / *Вот и сейчас, поставив тяжелые чемоданы, один зеленого, другой – насыщенного синего цвета посреди площади, приехавший в столицу гость подкрутил усы.*

Нурлана, яргъи кифер къуьнелай къулухъ вегъиз, дидедин винел алай **яру-цIару яргъандал** ацукъна [Там же, с. 123]. / *Нурлана, перекинув длинные косы через плечо, села на пестрое одеяло матери.*

Ракъинин нур алай лацу пенжекди, вилерал алай айнайри, сивевай къизилдин сара ракъинин нурар вичхъ галаз тухузвай [Там же, с. 34]. / *Белый пиджак в солнечном сиянии, стекла на глазах, золотой зуб во рту отражали солнечные лучи.*

При использовании эпитетов автор зачастую прибегает к конструкции сравнительного оборота:

Гъа и арада тадиз рак ахъайна, къецелай кабинетдин къенез **шалман хътин, яргъи** са дишегъли гъахъна [Там же, с. 145]. / *В это время, быстро открыв дверь, в кабинет вошла длинная, как столб, женщина.*

Фенчи жив хътин, нурну лацу якIар алай министрдихъ галаз еке элкъвей столдихъ хуш-беш авуна, фу-къафун тIуьна, тIимил къван ичкини хъвана, азгар кефиниз акъатай вахтунда министрди лагъана:

– Гила фагъум авуна, лагъ тIун: ваз за вучиз меркездиз атун теклифнава [Там же, с. 115]?.. / *Как свежесыпавший снег, пухлый, белый министр за большим круглым столом принял гостя, а после спросил: – Теперь подумай и скажи, почему я тебя вызвал в столицу?*

Лексико-семантический анализ эпитетов позволяет говорить о преобладании таких, которые характеризуют внутреннее состояние автора и персонажей, их нравственные качества, эмоции, называют признаки предметов, воспринимаемых органами чувств и возбуждающих в сознании читателей наглядно-чувственные представления и образы:

Сенфиз шегъерда чапхунар авур ксарикай садни **цIийи гъукуматдин** терефдар тушир. Абур чи **ажугълу душманар** тир [Там же, с. 128]. / *Вчерашней ночью грабившие люди не были сторонниками нового государства. Они были нашими свирепыми врагами.*

Паб акъахай **тух чIулав машин**, къулухъай къвед-пуд гапIал гум яна, алай чкадилай хкадарна виликай алатнамазди, Бег кIвализ хтана [Там же, с. 24]. / *Когда сытая черная машина, в которую села жена, отъехала, оставив за собой след дыма, Бег зашел домой.*

И арада, хабарни авачиз, таксидин лишанар алай, **хинедай чухъвенвай хътин рангунин машин**, чархари цIугъ шидайвал зарб кваз адахъ элкъвена, лупIна акъвазна [Там же, с. 17]. / *В это время, внезапно, машина, будто выкрашенная хной, быстро развернулась к нему и остановилась.*

Такие эпитеты как **ажугълу душман** (свирепые враги), **тух чIулав машин** (сытая машина) создают яркие эмоциональные образы, способствуют достижению автором своей основной задачи – создают экспрессию.

При этом идиостиллю Агаева характерно непривычное и неожиданное употребление типичных средств создания образности лезгинского языка.

Помимо создания и выражения эмоциональной экспрессии, эпитеты активно выполняют в прозе Агаева описательную функцию, помогая при изображении ярких живых картин:

Гъа икI четин гьалда гьатнавайтIани, рехъ къвез алатзавай. Ингье, Сарвар тепеярни, яргьи вирерни, хъипи шимерин ясту дагъларни къулухъ алатна. Зулун куьруь йикъан ракъин нуарни гила аскIандай атана. Вилик квай шуьшедай ягъайла, машинда экв туна, абур къулухъ галай шуьшедай къецел экъечIзавай. Чулав къир цанвай рекъин яргъал къиле аскIан тарарин тамар квай тепеяр малум хъана [Там же, с. 189]. / Таким образом, хоть и трудная, но дорога заканчивалась. Вот холмы Сарвар, длинные озера, горы желтого песка позади. Солнечные лучи коротких осенних дней стали низкими... В конце залитой черной смолой дороги виднелись холмы, покрытые лесом из низких деревьев.

Довольно часто употребляются различные виды звукоподражаний, которые также служат средством создания экспрессии:

Ада фупI-фупI ийиз, лезет къачуз, къагъеве хъвана. Вилер Рабиядал алай. Къилиз фикир атана: жумни чухъвер какахнавай емиш я [Там же, с. 44]. / Он, со звуком фуп-фуп, с наслаждением выпил кофе. Глядя на Рабию, подумал – как смесь айвы и груши.

Стилистической особенностью языка А. Агаева является использование им различного рода паремических выражений в качестве средства создания образности:

Жува чIехи авур бармак жуван вилера гьатдай адет я, Гъамид [Там же, с. 34]. / Шапка, которую сам вырастил, самому глаза закрывает, Гамид.

Иесидин шаламар жакъвадай кицIин уьмуьр яхъIур югъ я [Там же, с. 187]. / Жизнь собаки, которая жуеет чужаки своего хозяина, – сорок дней.

Герек хъайи вахтунда вакIазни буба лугъун лазимзавай. Яшайшиди ихътин тарс ганвай. Исятда маса чара авачир – душман ава гъа, гъадакайни менфят къачуна кIанзавай [Там же, с. 167]. / Когда появляется необходимость, даже кабана надо назвать отцом. Жизнь дала такой урок.

При этом выделяются идиомы, которые находят себе полное или частичное совпадение с идиомами русского языка.

Ярко характеризующей авторский идиостиль А. Агаева особенностью является влияние билингвизма автора, что выражается в довольно частом употреблении идиом и идиоматических выражений русского языка, которые подчас используются в буквальном переводе на лезгинский язык, представляя собой переводческие трансформации.

Бес атана, жибиндин харжияр патал затI-матI тагайди вуж хъурай [Там же, с. 89]. / А кто, если пришел и на карманные расходы ничего не дал?!

– *Исятда. Мад сефер, чухсагъул. Вун лап халис итим я. Чин ачух, гъил ачух. Чибур хъыз туш. ХъуьтIуьз живни къимишдай къведач [Там же, с. 23]. / Еще раз спасибо. Ты настоящий мужчина. Лицо открытое и рука открытая. Не то, что наши. Зимой и снега не допросишься.*

Таким образом, анализ речевых средств выразительности поэтики А. Агаева раскрывает специфику авторской языковой картины мира, а через нее – особенности мировосприятия и мироощущения писателя.

Мастерское использование экспрессивно-выразительных средств языковой системы лезгинского языка, определенное постоянство в употреблении данных языковых средств в типичных контекстах и для характеристики типовых ситуаций, настроений и образов – все эти особенности ярко характеризуют неповторимость мира А. Агаева и его поэтики.

Список источников

1. Агаев А. Г. Расколотое солнце: роман. Махачкала, 1993. 262 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
3. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.

LINGUISTIC MEANS OF LITERARY EXPRESSION IN WRITER'S IDIOSTYLE (BY THE MATERIAL OF LEZGIN PROSE BY A. AGAEV)

Gadzhieva Nargilya Azadiyevna, Ph. D. in Philology
Dagestan State University of National Economy, Makhachkala

Asulova Diana Shamil'evna, Ph. D. in Philology
Yarova Yarkhanum Rizaevna, Ph. D. in Philology
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
Gadzhieva_nargilya@mail.ru

The article deals with the characteristics of idiostyle of the literary text, the study of the specifics of using trope means of language expression of the Lezgin language in fiction prose by A. G. Agaev, description and analysis of display of the authorial national worldview through the writer's idiostyle, and the study of the poetics of the writer.

Key words and phrases: idiostyle; language worldview; comparison; epithet; metaphor; proverb; trope.